

Фаненштиль Т. В.

Истоки интереса социальных наук к повседневности.

«Лишиться своей повседневности, остаться наедине с ней – полюсы существования, равно невыносимые для человека».

И.Т. Касавин [1, с.152]

Следуя за обоснованием утверждений Зигмунда Баумана о текучем, меняющемся характере современного мира, нельзя не согласиться с ним, и невозможно не заметить, что в связи с этим, меняется и восприятие этого мира, меняющимся вслед за этим миром, человека. Человек меняется и мир, все такой же молчаливый и равнодушный, ведет с человеком иные разговоры, или все тот же разговор, но уже по-новому. И выходит, что ранее человек довольствовался сухими догматичными фразами мира, теперь же все чаще и больше человек задает вопросы, и вопросы же получает в ответ. Разговор становится эссеистичным, текучим. Таким же, как и сам мир. [2, с.14]

Восприятие мира субъективно, тем более, если наука пытается анализировать повседневный уровень существования человека. И возникает вопрос: как возможен научный дискурс на этом уровне? Это первое, к чему возможно прийти, знакомясь с темой повседневности в контексте социально-философских трудов.

Спокойствие приходит, если обратиться к истории самой науки. Что такое современная наука, и что можно было сказать о предмете и содержании науки в момент ее появления. Возможно ли было говорить о методичном сохранении объективности знания, о массиве техники, бездушно обслуживающей научный институт, опосредующей восприятие человека и отдаляющей его от мира? И вот на протяжении этой самой истории, человек снизошел с вершины фундаментального на повседневный уровень. Снизошел до себя обычного, любого, среднего, такого как все. О чем может сказать такой шаг?

Во-первых, фундаментальная наука предъявляет свои неподъемные требования к человеку. Человек забывает себя в граните такого знания. Он

приносит свои душевные начала в жертву разуму, числам, факту. Человек не находит самого себя, но, возможно, и не ищет.

По словам Баумана, «вечная наивность» субъекта, которую он вечно пытается разрушить и преодолеть противопоставлена пониманию, которое однако также является «равнонепривлекательной перспективой» для того же субъекта. [2, с.50]

Во-вторых, за всяким научным проектом, жертвой, временем, фактами, прячется сам ученый, и даже, если в большинстве эпох, речь идет о единицах, этот же отстраненный мотив подхватывают и рабочие массы (теория отчуждения). И жизнь идет навстречу такому массовому человеку. И слышатся отголоски возрождающей эпохи, которая предположила, что человек – Творец, он Создатель! Где же вечная прелесть творчества? Где она прячется?

И социальная философия противопоставляет этому творческому возрожденческому началу человека упорядоченность, монотонность, регулярность, повторяемость и предсказуемость. Современность пришла к отдельному человеку, но отвергая атрибутивность всякого порядка. Взамен она получает тотальное требование создавать этот порядок, раз он не устанавливается «сверху». Порядок превращается в самоцель. Желаемое состояние творческого полета, свободного существования, возможности неограниченного выбора дает субъекту ощущение тревоги, риска, неуверенности, потери себя. Иерархию раздражителей субъекта в современном обществе теперь венчает не отсутствие свободы, а «потребность в установлении приоритетов». [2, с.70]

В-третьих, если массовый человек легко избегает высоких материй, безо всяких чувствуемых увечий для себя, то избежать такого явления как повседневность – абсурд самого социального естества. Сколько ни проводит ученый экспериментов, расчетов, теоретических прений, конференций, обсуждений, круглых столов – он всегда возвращается к чашке любимого им чая, к любимой газете, далекой от идеальной модели средства масс-медиа, в

конце концов, к мусорному мешку, который требует уже безо всякой любви элементарного участия.

В-четвертых, если уж применять рассудочные средства, то уже самый элементарный анализ покажет, какое огромное время крадет повседневность у занятых фундаментальными вопросами людей, и в общем, у человека.

Эпоха индустриализации превращает субъекта в потребителя, меняя значение свободы выбора на тотальность потребления, меняя местами родовидовое соотношение понятий жизнь и желание. Именно желание становится определяющим идентичности, социального статуса, жизненной истории, безопасности – всего того, что ранее обеспечивалось структурами власти и политики. Человек только тем и занят, что думает о потреблении, говорит о потреблении, делает для потребления, потребляет. Это основа современного понимания социальной идентичности.

И вот, в-пятых, в это самое время привычного, алгоритмичного, почти неосознаваемого человек приходит к вопросу: как найти себя в этом? Повседневность дает ли шанс человеку действительно управлять, совершать свободный выбор, принимать самостоятельные решения?

Современная социальная наука, позволяя себе заниматься повседневными проблемами человека, сделав анализ потребительской среды своим предметом, стоит на границе научного знания. С одной стороны, социология на микроуровне успешно существует, с другой стороны, ее вполне серьезно можно обвинить в псевдонаучности. Ответ в пользу первого, возможно, кроется в той же личной выгоде. Однако, отбросив прагматизм, зададимся вопросом о действительной объективности предмета повседневности. Что открывает этот предмет перед человеком? Какие средства он дает ему в руки? Существует ли действительная необходимость в научном изучении повседневности? Ведь человек исчезает в объективном знании, тогда, то знание, что остается, возвращаясь к человеку, о нем ли самом оно?

Таким образом, предмет повседневности задает в большинстве случаев вопросы, которые своим весом уже подталкивают к ответу «нет» на

большинство из них. Что, несомненно, наводит на мысль о степени серьезности методологической базы и анализа соответствия полученных или имеющихся знаний критериям научности в процессе изучения повседневности и ее структур.

Список литературы:

1. Касавин, И.Т. Анализ повседневности./ И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. – Москва, 2004.
2. Бауман З. Текущая современность. – СПб: Питер, 2008.